как темпераментом писателя, так и значительным промежутком времени между пережитым и художественным его воссозданием. Но и при внешнем спокойствии в автобиографическом рассказе Софрония ощущается пафос глубокого патриотизма и сильной ненависти к турецким поработителям.

Творческий характер протопопа Аввакума иной. Его Житие — не спокойное подведение итогов пройденного жизненного пути, а идеологический призыв, руководство к действию для тех, кто разделяет его религиозно-политические представления. Аввакум не отчитывается в своем Житии, а проповедует, призывает, обличает. Проповедь есть и у Софрония, но выражена она не так прямо, а скорее между строк, в то время как у Аввакума ее направленность проявляется ярко, динамично, подчеркнута почти в каждом слове его Жития.

И у Аввакума центральной темой повествования является личная жизнь, показанная на фоне тогдашней русской действительности, хотя скорее в религиозном плане. Убежденный в том, что он божий избранник, которому суждено указать русскому православию «истинный христов путь», Аввакум описывает свою жизнь с каким-то обостренным вниманием к личным переживаниям, которое порой принимает болезненные формы. Но это эмоциональное напряжение оправдано стремлением автора приобрести возможно больше сторонников старообрядческого дела, а тех, кто уже с ним вместе, превратить в более деятельных борцов.

Житие Аввакума — замечательный литературный и исторический памятник, в котором художественно и в то же время документально воплощены исключительно интересные моменты политической, культурно-религиозной и хозяйственной жизни России второй половины XVII в. Это и дает основание советским ученым считать Житие настоящей энциклопедией русской жизни той отдаленной от нас тремя веками эпохи.[8]

И несмотря на значительные расхождения в подходе, в изложении и истолковании проблем и фактов жизни в двух автобиографиях, между ними существует и большая близость, которую трудно объяснить случайным совпадением. Гораздо естественнее предположить, что Софроний знал Житие Аввакума и что это сочинение в какой-то степени помогло ему осознать значимость своей жизни, своих страданий и побудило к описанию их. Особенное значение имеют некоторые сходные детали (порой почти одинаковые) в автобиографиях болгарского и русского авторов. Эти совпадения наводят на мысль, что у Софрония, по-видимому, воскресли в памяти некоторые эпизоды своей жизни, когда он припоминал прочитанное у Аввакума.

Но перейдем к сопоставлению отдельных мест из анализируемых нами житий.

---

[8] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953 (далее: Гудзий), стр. 440—457; История русской литературы (в трех томах), т. 1. М.—Л., 1958, стр. 353 и сл.; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958 (далее: Лихачев), стр. 118—161; В. Е. Гусев. Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века. — В кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1959 (далее: Гусев), стр. 5—51; В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 138—187; А. Н. Робинсон. 1) Аввакум и Епифаний (к истории общения двух писателей). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 391—403; 2) О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания. — В кн.: Славянская филология, сборник статей, вып. II. М., 1958 (IV Международный съезд славистов), стр. 245—272; В. В. Виноградов. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципы его словоупотребления. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 371—379; В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 44—123.